

УДК 821.161.1

DOI: 10.26565/2227-1864-2019-82-09

**«Жил на свете рыцарь бедный...» А. Пушкина
в житнетворчестве и философии любви Д. Мережковского**

Е. В. Педченко

*кандидат филологических наук, старший преподаватель,
кафедра славянской филологии и перевода,*

Мариупольский государственный университет;

e-mail: lyolya0211@gmail.com; https://orcid.org/0000-0001-7456-7040

Статья посвящена рассмотрению рецепции стихотворения А. Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный...» в житнетворчестве и религиозно-философской концепции любви Д. Мережковского. Образ «бедного рыцаря» стал неотъемлемой частью литературной жизни писателей символистского круга, о чем свидетельствуют исследования А. Лаврова, О. Матич, Л. Спроге, М. Цимборской-Лебоды и др. Своей популярностью он обязан роману Ф. Достоевского «Идиот», где выступает своеобразной проекцией образа князя Мышкина, на что указывал Мережковский. С образом «бедного рыцаря» у него ассоциируются все «целомудреннее» литературные герои (Ипполит, Мышкин) и писатели (Чаадаев, Лермонтов (в определённый период)), испытывающие платоническое чувство к тайной возлюбленной. Мережковский не дифференцирует редакции стихотворения Пушкина («Легенда» и «Песня Франца» из «Сцен из рыцарских времен»), так как он человек идеи, в рамках которой «бедный рыцарь» становится основой его идеалистической концепции платонической любви, носителем чистого чувства, а символом идеальной возлюбленной он определяет А.М.Д. В результате исследования мы определили, что нетрадиционная расшифровка аббревиатуры как Alma Mater Dei восходит у Мережковского к раннесредневековому католическому имени Богоматери, которое перешло в христианство из римского язычества, где обозначало богинь-матерей. Этот факт во многом определил появление его неохристианской концепции освященной плоти Мать-Дух в «Царстве Третьего Завета».

Частое обращение писателя в разные периоды творчества к «Жил на свете рыцарь бедный...» Пушкина, его оригинальная интерпретация и комментирование, а также жизненная практика позволили нам определить образ «бедного рыцаря» как психо-типологическую модель «жизненного сценария» Мережковского. Предметом дальнейшего исследования станет рецепция стихотворения Пушкина в творчестве З. Гиппиус, которая также в разное время обращается к образу «бедного рыцаря» и выступает соавтором идей мужа, но реализует их в индивидуально-авторской манере.

Ключевые слова: бедный рыцарь, А.М.Д., Мережковский, житнетворчество, философия любви

О. В. Педченко «Жив на світі лицар бідний...» О. Пушкіна в життєтворчості та філософії кохання Д. Мережковського

Стаття присвячена розгляду рецепції вірша О. Пушкіна «Жив на світі лицар бідний...» в життєтворчості та релігійно-філософській концепції кохання Д. Мережковського. Образ «бідного лицаря» став невід'ємною частиною літературного життя письменників символистського кола, про що свідчать дослідження О. Лаврова, О. Матіч, Л. Спроге, М. Цимборської-Лебоди та ін. Своєю популярністю він зобов'язаний роману Ф. Достоевського «Ідіот», де виступає своєрідною проекцією образу князя Мишкіна, на що вказував Мережковський. З образом «бідного лицаря» у нього асоціюються всі «цотливі» літературні герої (Іполит, Мишкін) і письменники (Чаадаєв, Лермонтов (в певний період)), які відчувають платонічне почуття до таємної коханої. Мережковський не диференціює редакції вірша Пушкіна («Легенда» і «Пісня Франца» з «Сцен з лицарських часів»), тому що є людиною ідеї, у межах якої «бідний лицар» стає основою його ідеалістичної концепції платонічного кохання, носієм чистого почуття, а символом ідеальної коханої він називає А.М.Д. Результатом нашої розвідки стало визначення, що нетрадиційна розшифровка аббревіатури як Alma Mater Dei у Мережковського до ранньосередньовічного католицького імені Богоматері, яке перейшло в християнство з римського язичництва, де позначало богинь-матерів. Цей факт багато в чому визначив появу його неохристиянської концепції освяченої плоті Мати-Дух у «Царстві Третього Завіту».

Часте звернення письменника в різні періоди творчості до «Жив на світі лицар бідний...» Пушкіна, його оригінальна інтерпретація і коментування, а також життєва практика дозволили нам визначити образ «бідного лицаря» як психо-типологічну модель «життєвого сценарію» Мережковського. Предметом подальшого дослідження стане рецепція вірша Пушкіна у творчості З. Гіппіус, яка також в різний час звертається до образу «бідного лицаря» і виступає співавтором ідей чоловіка, але реалізує їх у своїй індивідуально-авторській манері.

Ключові слова: бідний лицар, А.М.Д., Мережковський, життєтворчість, філософія кохання

Elena Pedchenko "The poor knight lived in the world ..." A. Pushkin in the life-creation and philosophy of love of D. Merezhkovsky

The article is devoted to the consideration of the reception of the A. Pushkin's poem "The poor knight lived in the world ..." in the D. Merezhkovsky's life-creation and religious-philosophical concept of love. The image of the "poor knight" has become an integral part of the literary life of the writers in the symbolist circle, as evidenced by the studies of A. Lavrov, O. Matich, L. Sproge, M. Tsimborskaya-Leboda and others. He owes his popularity by F. Dostoevsky's novel "Idiot", where he acts as a kind of projection of the image of Prince Myshkin, as indicated by Merezhkovsky. With the image of the "poor knight" he associates all "chaste" literary heroes (Hippolytus, Myshkin) and writers (Chaadaev, Lermontov (in a certain period)), who have a platonic feeling for a secret lover. Merezhkovsky does not differentiate the editions of Pushkin's poem ("Legend" and "Franz's Song" from "Scenes from Knightly Times"), since he is a man of ideas, in the framework of which the "poor knight" becomes the basis of his idealistic concept of platonic love, the bearer of pure feelings, and symbol of the ideal sweetheart, he defines A.M.D. As a result of the study, we determined that the unconventional interpretation of the abbreviation as Alma Mater Dei dates back to Merezhkovsky to the early medieval Catholic name of Our Lady, which converted to Christianity from Roman paganism, where it denoted mother goddesses. This fact in many respects determined the appearance of his neo-Christian concept of the sanctified Mother-Spirit flesh in the "Kingdom of the Third Testament".

The writer's frequent appeal at different periods of his work to the "The poor knight lived in the world ..." Pushkin, its original interpretation and commentary, as well as life practice, allowed us to define the image of the "poor knight" as a psycho-typological model of Merezhkovsky's "life scenario". The subject of further research will be the reception of Pushkin's poem in the work of Z. Gippius, who also at different times refers to the image of the "poor knight" and acts as a co-author of her husband's idea, but implements them in her own individual way.

Keywords: poor knight, A.M.D., Merezhkovsky, life-creation, philosophy of love

История «бедного рыцаря» А. Пушкина («Песня Франца» и «Легенда») имела сильное влияние на литературный быт петербургских поэтов-символистов, которые примеряли на себя его роль, о чем мы находим свидетельства в биографической, литературно-критической прозе и поэзии А. Белого, А. Блока, С. Соловьева, Эллиса, З. Гиппиус, Д. Мережковского и др., а также в статьях С. Бонти [6], А. Лаврова [11], Л. Спроге [18], М. Цимборской-Лебоды [20] и др. По словам С.Л. Франка, в песне находит свое завершение «эротизм, чувство божественности любви и женской красоты» А. Пушкина, кроме того, эта песня вдохновила Ф. Достоевского и стала «духовно родственной основной религиозной интуиции Софии у Вл. Соловьева» [19, с. 23]. О. Матич отмечает особое отношение Д. Мережковского к тексту А. Пушкина в рамках его религиозно-философской концепции любви [11, с. 355-357], отдельные аспекты которой уже были представлены нами ранее [16;17]. Целью данной статьи является рассмотрение рецепции пушкинской истории о «бедном рыцаре» в философии любви и жизнестроительстве писателя.

О важности этого образа для Мережковского свидетельствуют обращения писателя к тексту Пушкина в работах разных лет («О новом значении древней трагедии» (1893), «Лев Толстой и Достоевский» (1902), «М. Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества» (1911), «Чаадаев» (1914), «Тайна Трех. Египет и Вавилон» (1923), «Тайна Запада. Атлантида – Европа» (1930) и др.). Он связывает с образом «бедного рыцаря» всех «целомудренных» реальных и литературных мужчин, испытывающих платоническое чувство к тайной возлюбленной. Обет воздержания, служение собственным идеалам «бедного рыцаря» близки и понятны Мережковскому, они создают сценарную проекцию его собственной жизненной программы, если рассматривать этот факт с позиции современного психоанализа (Э. Берн). Можно сказать, что писатель реализует сценарий «бедного рыцаря», который

... имел одно виденье,
Непостижное уму,
И глубоко впечатленье
В сердце врезалось ему.
С той поры, сгорев душою,
Он на женщин не смотрел
И до гроба ни с одною
Молвить слова не хотел.
Полон чистою любовью,

Верен сладостной мечте,
А. М. Д. своею кровью
Начертал он на щите. [12, с. 468].

Эту цитату из «Песни Франца» Мережковский приводит во вступительной статье к своему переводу трагедии Еврипида «Ипполит» в 1893 году. Он считает, что «умирающий Ипполит мог бы воскликнуть, подобно бедному рыцарю: *Lumen Coeli, Sancta Rosa!*» [12, с. 468]. Неслучайно в речи о древней трагедии он ставит в один ряд Ипполита, «бедного рыцаря» и князя Мышкина. Связь последних определена текстом романа Ф. Достоевского, который, скорее всего, и обеспечил популярность пушкинского текста в начале века. Мы имеем ввиду сцену, где Аглая намекает, что князь Мышкин такой же влюбленный «бедный рыцарь», а дама его сердца – Настасья Филипповна Барашкова. Для этого она произносит А.Н.Б. вместо А.М.Д., а затем при чтении стихотворения – Н.Ф.Б., чтобы у Льва Николаевича не осталось сомнений, что он не ослышался. В работе «Лев Толстой и Достоевский» Д. Мережковский рассматривает этот эпизод, игнорируя намеки Аглаи при чтении текста, сосредоточив внимания на возвышенном содержании песни, на моментах сходства князя Мышкина и «Бедного Рыцаря» (использует написание с большой буквы оба слова, как имени собственного). Героев сближает безумие, «замок дальний» и внутренний путь, «из одного безмолвия через воинствующую проповедь любви – таинственной «Дамы» своего сердца – *Lumen Coeli, Sancta Rosa*, «Великой Матери, упования рода человеческого» – в другое, еще большее безмолвие» [15, с. 337]. Он отмечает, что Аглая видит в трагической судьбе «бедного рыцаря» и опосредовано Мышкина сходство с Дон Кихотом. Это сравнение достаточно интересно, так как «рыцарь печального образа» появился после того, как Алонсо Кихано, начитавшись рыцарских романов, решил воплотить их в реальность. Иронический подтекст Сервантеса Мережковский тоже игнорирует, так как тот не вписывается в его представление о Дон Кихоте и его концепцию творческого жизнестроительства, которая предполагает сознательное следование литературному сюжету, что находит продолжение и развитие в других статьях автора.

Так, «бедный рыцарь» с видением «фантастическим» появляется, когда Мережковский рассказывает о любви юного Лермонтова к Варваре Лопухиной. Говоря о Чаадаеве, он предполагает, что тот «никогда не любил женщины», называет его «рыцарем бедным» и прирожденным девственником «подобно многим русским

романтикам 20-30-х годов – Станкевичу, Константину Аксакову, Михаилу Бакунину» [14, с. 299]. В книге «Тайна Запада. Атлантида – Европа» Мережковский приходит к глобальному обобщению, утверждая, что «весь род человеческий как бедный рыцарь: A.M.D. Alma Mater Dei» [13, с. 156].

Пушкинский «бедный рыцарь» стал предметом споров на религиозно-философских собраниях. В пылу дискуссии о проблеме девства и брака о. Михаил, парируя Розанову и Мережковскому, сказал, что «Рыцарь, который пишет на щите A.M.D. – тоже впадает в грех содомский. Он возможен и в области брака. Искажение инстинкта засвидетельствовано в половой психопатии. Нужно излечение, и это излечение церковь видит в таинстве» [9, с. 233]. Дальнейшее развитие дискуссии по этому вопросу в официальный вариант стенограммы заседаний не вошло, поэтому мы обратились к исследованию О. Матич. По архивным документам она свидетельствует, что на следующем собрании о. Михаил продолжает говорить о «бедном рыцаре», «который пишет на своем щите A.M.D., выступает на войну в женской сорочке, но любит платонически, т. е. извращенной любовью. Половое наслаждение сдержано. Это любовь Платона» [11, с. 356].

Столь специфическая трактовка стихотворения Пушкина, открытое указание на гомоэротическую природу чувств рыцаря, определение платонической любви как извращенной, потрясло Мережковского. Прежде всего, его возмутил сам факт того, что надпись, сделанную кровью на щите, о. Михаил назвал «содомским грехом», так как сам он в платонической любви извращения не находил, а поклонение A.M.D. считал высшим проявлением любви.

Наше внимание привлек тот факт, что Мережковский во всех работах придерживается варианта расшифровки A.M.D. как Alma Mater Dei, которое не встречается в комментариях к пушкинскому тексту. Как известно, есть две основные редакции истории о «бедном рыцаре»: первая – баллада «Легенда» (1829-1831), в которой рыцарь обретает вечную жизнь, благодаря заступничеству Богоматери, заслужив ее целомудренной любовью; вторая – песня Франца в «Сценах из рыцарских времен» (1835), где отсутствует мотив спасения и появляется аббревиатура A.M.D., как намек на Даму сердца исполнителя. В работе «Стихи о бедном рыцаре» (1937) С. Бонди приводит варианты написания имени святой возлюбленной из всех известных в 1930-х гг. редакций «Легенды», которые восходят к католическим богородичным гимнам и молитвам, а именно: Ave mater Dei (формула как самостоятельная, «по-видимому, не встречалась до Пушкина. Ее вероятный источник – богородичная молитва “Ave, fillia Dei Patris”» [8, с. 82]), Ave Maria –

regina, Dei mater dolorosa, Ave Maria, Ave sancta mater Dei, Ave sancta virgo [6, с. 661] – варианта *Alma Mater Dei* в них нет. Интересно, что данную расшифровку аббревиатуры A.M.D. также дает Блок в письме к Л. Менделеевой от 26 декабря 1902 года [5, с. 93]. Если допустить, что одноразовое употребление Блоком «Alma» в письме к любимой – описка или каламбур, по мнению комментаторов трёх разных изданий его переписки с женой, то Мережковский, не смотря на текстологические проблемы его наследия [1], не мог ошибиться в нескольких серьезных работах.

Мы имеем полное основание предполагать, что Мережковский увидел в A.M.D. раннесредневековое католическое имя Богоматери, которое перешло в христианство из римского язычества, где обозначало богинь-матерей. Его неполная формула присутствует в гимне «Alma Redemptoris Mater» и обратная формула сохранилась в гимне «Ave Maris Stella» [21]. На последний ссылается Е. Блаватская, говоря о связи богов языческих и христианских святых. Она отмечает, что «Венера и Изиды покровительствовали мореплаванью – как Мари или Мария, Мадонна покровительствует ему и ныне. Не ее ли по сей день воспевают церковь: «Ave Maris Stella... / Dei Mater Alma» – то есть «Привет Тебе, о Звезда Моря, Мать Бога», таким образом идентифицируя ее с Венерой?» (первая публикация «Theosophist», Vol. II, № 9, June, 1881) [4, с. 284]. Она отмечает, что *Alma* «(питающая, любящая (лат.)) – в Древнем Риме – эпитет богинь, наделяемых особой благосклонностью к людям (например, Венера)» [3, с. 53]. Так форма «Alma Venus» встречается в поэме Лукреция «О природе вещей», которая вместе с фразой «Alma liquentis / Umoris guttas mater cum terra recepit» стала возможным источником выражения *Alma Mater* [8, с. 44]. Мережковский относился к числу русских мыслителей (Вл. Соловьев, Вяч. Иванов, А. Белый), которые выражали сдержанное признание заслуг Блаватской и значимости теософического знания. Однако это подтверждает знакомство с ее работами и позволяет воспринимать как возможный источник для его концепции освященной плоти Мать-Дух в «Царстве Третьего Завета», где Мережковский также связывает *Alma Mater Dei* с восточными и западными древними материнскими культами. Все они объединились у него в образ «“Великой Матери, упования рода человеческого” – “A.M.D.”» [15, с. 339]. Этот символ он помещает и на свой аллегорический щит, как пишет А. Белый: «Невольно опустил “стальную решетку” рыцарь бедный – Мережковский – на лицо свое: этой стальной решеткой стала для него идеология. Но свет, горящий в нем, сквозь него сияющий, лучится из-под забрала» [2, с. 380].

Следует заметить, что Мережковский действительно был рыцарем идеологии, поэтому реальные женщины не были его *Дами сердца*, его A.M.D., в том числе и З. Гиппиус. Разделяя религиозно-философские взгляды мужа, она и не

претендовала на эту роль. В знаменитой статье «Влюбленность» под именем А. Крайний она обращается к «Бедному рыцарю» как образу «такой чистоты влюбленности, которому почти нет равного, хотя влюбленности еще беспомощной, потому что слишком ранней» [7, с. 85]. В рецензии на сборник А. Блока «Стихи о Прекрасной Даме» З. Гиппиус сравнивает его лирического героя со старым «Бедным рыцарем» и находит странным «то, что тот, старый, вечный, – до сих пор пленительнее этого нового, бедного рыцаря с его Дамой “в бледных платьях”, его “белых намеков”» [7, с. 229]. В её художественных текстах мотив «Бедного рыцаря» мы находим в рассказах «Моя первая любовь. Н.М.Д.» (1924) и «Сережа подросток (Наталья Павловна)» (1925) эмигрантского периода, написание которых совпадает с работой Мережковского над

трилогией «Тайна Трех», где также присутствует этот мотив.

Таким образом, в религиозно-философской концепции любви Мережковского «бедный рыцарь» становится основой его идеалистической концепции платонической любви, носителем чистого чувства и психо-типологической моделью «жизненного сценария» автора. Символом идеальной возлюбленной писатель называет А.М.Д. (Alma Mater Dei), которая объединяет христианский образ Богоматери с языческими богинями-матерями, что определило появление его неохристианской концепции освященной плоти Мать-Дух в «Царстве Третьего Завета». Дальнейшее наше исследование коснется рецепции стихотворения Пушкина в творчестве Гиппиус, которая также в разное время обращается к образу «бедного рыцаря» и выступает соавтором идеи мужа, но реализует их в своей индивидуально-авторской манере.

Литература

1. Андрущенко Е. Властелин «чужого». Текстология и проблемы поэтики Д.С. Мережковского. Москва: Водолей, 2012. 248 с.
2. Белый А. Символизм как миропонимание. Москва: Республика, 1994. 528 с.
3. Блаватская Е. П. Разоблаченная Изида. С комментариями. Том 2. Москва: Эксмо, 2018. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=605118&p=53> (дата обращения: 09.06.2018).
4. Блаватская Е. П. Терра инкогнита. Сборник. Москва: Сфера, 1996. 432 с.
5. Блок А. Письма к жене. *Литературное наследство*, т.89. Москва: Наука, 1978. 414 с.
6. Бонди С. Стихи о бедном рыцаре. *Известия АН СССР*. 1937. № 2 – 3. С. 659 – 677.
7. Гиппиус З. Н. Собрание сочинений В 15 т. Москва: Русская книга, 2003. Т.7.
8. Душенко К., Багриновский Г. Большой словарь латинских цитат и выражений. Москва: Эксмо, 2013. 976 с.
9. Записки петербургских Религиозно-философских собраний (1901 – 1903 гг.)/ Общ. ред. С.М. Половинкина. Москва: Республика, 2005. 543 с.
10. Лавров А.В. Символисты и другие: Статьи. Разыскания. Публикации Москва: Новое литературное обозрение, 2015. 734 с.
11. Матич О. Эротическая утопия. Новое религиозное сознание и fin de siecle в России = Erotic Utopia: The Decadent Imagination Russia's Fin de Siecle. Москва: НЛЮ, 2008. 557 с.
12. Мережковский Д. О новом значении древней трагедии (Вступительное слово к представлению "Ипполита"). *Эсхил. Софокл. Еврипид. Трагедии. Сборник. Перевод с греческого Дмитрия Мережковского*. Москва: Ломоносовъ, 2009. С. 465 – 472.
13. Мережковский Д. С. Тайна Запада. Атлантида – Европа [Электронная книга]. Мультимедийное Издательство Стрельбицкого, 2016. 234 с.
14. Мережковский Д.С. Акрополь: Избранные литературно-критические статьи. Москва: Книжная палата, 1991. 352 с.
15. Мережковский Д.С. Лев Толстой и Достоевский. Москва: Наука, 2000. 588 с.
16. Педченко Е. В. Философия любви в прозе Зинаиды Гиппиус и Дмитрия Мережковского. *Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Серія Філологія*. 2017(6). № 31. Том. 1. С. 81 - 84.
17. Педченко О.В. Богиня кохання у прозі Дмитра Мережковського. *Закарпатські філологічні студії*. 2018 (д). Вип.5. Том 1. С. 26 – 30.
18. Спроге Л. В. Мотив «рыцаря бедного» в поэзии символистов. (Организация художественного единства книги стихов Эллиса «Арго»). *Пушкин и русская литература: сборник научных трудов*. Рига. ЛГУ, 1986. С. 102-109.
19. Франк Л.С. Этюды о Пушкине. Paris: YMSA-PRESS, 1987. 128 с.
20. Цимборска-Лебода М. (2018), «Рыцарь бедный» или «Странник по пустыням (не)бытия»? Андрей Белый, Вяч. Иванов и Николай Бердяев о Мережковском. *Д.С. Мережковский: писатель – критик – мыслитель: Сборник статей*, ред.-сост. О.А. Коростелев, А.А. Холиков, Москва, Литфакт. с. 360–383
21. Treasury of Latin Prayers est. April, MCMXCVIII by Michael Martin. copyright 2018. URL: <http://www.preces-latinae.org/thesaurus/BVM/AveMarisStella.html> (last access: 12.07.2018)

References

1. Andrushchenko E. (2012). Vlastelin «chuzhogo». *Tekstologiya i problemy poetiki D.S. Merezhkovskogo*. Moskva: Vodoley. [in Russian].
2. Belyy A. (1994). *Simvolizm kak miroponimaniye*. Moskva: Respublika. [in Russian].
3. Blavatskaya E. P. (2018). *Razoblachennaya Izida. S kommentariyami*. Vol. 2. Moskva: Eksmo. Retrieved from <https://www.litmir.me/br/?b=605118&p=53> [in Russian].
4. Blavatskaya E. P. (1996). *Terra inkognita*. Sbornik. Moskva: Sfera. [in Russian].
5. Blok A. (1978). *Pis'ma k zhene. Literaturnoye nasledstvo*, Vol.89. Moskva: Nauka. [in Russian].
6. Bondi S. (1937). *Stikhi o bednom rytsare. Izvestiyaan SSSR*. № 2– 3. 659–677. [in Russian].
7. Gippiusz. N. (2003) *Sobraniye sochineniy*. Moskva: Russkaya kniga. Vol 7. [in Russian].
8. Dushenko K. & Bagrinovskiy G. (2013) *Bol'shoy slovar' latinskikh tsitat i vyrazheniy*. Moskva: Eksmo. [in Russian].
9. Polovinkina S. M. (ed) (2005) *Zapiski peterburgskikh Religiozno-filosofskikh sobranii (1901 – 1903)*. Moskva: Respublika. [in Russian].
10. Lavrov A. V. (2015) *Simvolisty i drugiye: Stat'i. Razyskaniya. Publikatsii*. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye. [in Russian].
11. Matich O. (2008) *Eroticheskaya utopiya. Novoye religioznoye soznaniye i fin de siecle v Rossii = Erotic Utopia: The Decadent Imagination Russia's Fin de Siecle*. Moskva: NLO. [in Russian].
12. Merezhkovskiy D. (2009) *O novom znachenii drevney tragedii (Vstupitel'noye slovo k predstavleniyu "Ippolita")*. *Eskhil. Sofokl. Yevripid. Tragedii. Sbornik. Perevod s grecheskogo Dmitriya Merezhkovskogo*. Moskva: Lomonosov. 465–472. [in Russian].
13. Merezhkovskiy D. (2016) *Tayna Zapada. Atlantida – Yevropa. Multimediynoye Izdatel Strelbitskogo*. [in Russian].
14. Merezhkovskiy D. S. (1991) *Akropol': Izbrannyye literaturno-kriticheskiye stat'i*. Moskva: Knizhnaya palata. [in Russian].
15. Merezhkovskiy D. S. (2000) *Lev Tolstoy i Dostoyevskiy*. Moskva: Nauka. [in Russian].
16. Pedchenko E. (2017). *Philosophy of love in prose of Zinaida Gippius and Dmitry Merezhkovsky. "International Humanitarian University Herald. Philology"*. № 31. Vol. 1. 81-84. [in Russian].
17. Pedchenko O. V. (2018). *The Goddess of love in the prose by Dmitry Merezhkovsky. Transcarpathian Philology Studios*. № 5. Vol. 1. 26–30. [in Ukrainian].
18. Sproge L. V. (1986) *Motiv «rytsarya bednogo» v poezii simvolistov. (Organizatsiya khudozhestvennogo yedinstva knigi stikhov Ellisa «Argo»)*. *Pushkin i russkaya literatura*. Riga. LGU. 102-109. [in Russian].
19. Frank L.S. (1987) *Etyudy o Pushkine*. Paris: YMSA-PRESS. [in Russian].
20. Tsimborska-Leboda M. (2018), «Rytsar' bednyy» ili «Strannik po pustynyam (ne)bytiya»? Andrey Belyy, Vyach. Ivanov i Nikolay Berdyayev o Merezhkovskom. *D.S. Merezhkovskiy: pisatel' – kritik – myslitel'*. Moskva, Litfakt. 360–383 [in Russian].
21. *Treasury of Latin Prayers est. April, MCMXCVIII* by Michael Martin. copyright 2018. Retrieved from <http://www.preces-latinae.org/thesaurus/BVM/AveMarisStella.html>

Педченко Олена Василівна, кандидат філологічних наук, старший викладач кафедри слов'янської філології та перекладу, Маріупольський державний університет, (пр. Будівельників, 129а, Маріуполь, 87500, Україна); e-mail: lyolya0211@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-7456-7040>

Педченко Елена Васильевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры славянской филологии и перевода, Мариупольский государственный университет, (пр. Строителей, 129а, Мариуполь, 87500, Украина); e-mail: lyolya0211@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-7456-7040>

Pedchenko Elena, PhD, Senior Lecturer, Department of Slavic Philology and Translation, Mariupol State University, (129a Stroiteley ave., Mariupol, 87500, Ukraine); e-mail: lyolya0211@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-7456-7040>